

УДК 341

DOI: 10.34670/AR.2021.32.70.021

Некоторые вопросы международно-правовой квалификации вооруженных конфликтов немеждународного характера: на примере конфликта в Чеченской Республике (1994-1996 гг.)

Кантария Екатерина Анзоровна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, переулок Стремянный, 36;
e-mail: ekantaria@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется международно-правовой статус внутренних вооруженных конфликтов в контексте вооруженного противостояния в Чеченской Республике в 1994-1996 гг. Автор рассматривает проблему международного вмешательства в такие конфликты, а также анализирует различные точки зрения того времени на статус конфликта. До сих пор в западной (преимущественно англоязычной) литературе можно встретить термины *rebels* и *guerillas*, которые употребляются по отношению к противникам центральной власти РФ, что представляется неверным с точки зрения международного права понятием в отношении сепаратистов, а в ряде случаев, как показывается в статье, и террористов. Вопросы отнесения Чеченской войны к национально-освободительным войнам, равно как и ее антиколониальный статус, также детально разбираются в статье.

Для цитирования в научных исследованиях

Кантария Е.А. Некоторые вопросы международно-правовой квалификации вооруженных конфликтов немеждународного характера: на примере конфликта в Чеченской Республике (1994-1996 гг.) // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 9А. С. 177-184. DOI: 10.34670/AR.2021.32.70.021

Ключевые слова

Международное гуманитарное право, Женевские конвенции, Гаагские конвенции, уголовное право, Чеченская Республика, комбатанты, терроризм, сепаратизм, экстремизм.

Введение

В конце прошлого века имели место политические события в Чечне, именуемые Первой чеченской войной. В процессе борьбы за власть в республике произошла заметная радикализация действий сторонников и противников нахождения в составе РФ. Сам по себе сепаратизм не был чем-то свойственным исключительно Чечне. В результате распада СССР можно было констатировать усиление центробежных тенденций и в России. Однако массовое применение Вооруженных сил, направленных в республику с целью «наведения конституционного порядка», привело к многочисленной критике со стороны международного сообщества. Вместе с тем вопрос квалификации вооруженного конфликта должен был бы закрыть все споры о законности и незаконности действий РФ [Смирнов, 2015].

Следует отметить, что действие международного гуманитарного права свойственно для вооруженных конфликтов международного характера, тогда как внутренние конфликты не в полной мере дают правовой инструментарий для ограничения средств и методов ведения войны, как, впрочем, и для защиты жертв войны. С одной стороны, в 1990-е гг. существовал ряд мнений западных политологов о том, что действия чеченцев имели характер антиколониальной борьбы, когда народ освобождался от империи, которая нарушала международно-правовой принцип самоопределения народов и наций [Тишков, 2003, 354]. С другой стороны, и таких мнений стало к настоящему времени большинство, действия чеченских сепаратистов грубо нарушали принцип территориальной целостности государств, поэтому ни о каком международном признании конфликта речи не могло идти.

Исторические предпосылки сепаратизма в Чечне

Безусловно, для объективного и более полного анализа динамики развития чеченского конфликта в 1990-е гг. стоит обратиться к истории и вспомнить взаимоотношения России и народов Северного Кавказа на фоне войн, реформ и прочих политико-экономических потрясений.

В этом аспекте, конечно же, нельзя не упомянуть военный натиск России и Турции в кампании Кавказской войны, спустя полвека после которой, уже в советский период, на территории Кавказа начались процессы насильственной коллективизации и чуть позже депортации народов, проживающих, в частности, в Чечне и Дагестане. Важно помнить, что народы Кавказа имеют свой уникальный менталитет и особенно остро воспринимают любую несправедливость по отношению к себе. Тому подтверждение – кровавый опыт масштабных войн с Османской и Российской империями [Гусейнов, 2000, 17].

После Октябрьской революции 1917 г. неоднократно предпринимались попытки создания автономного государства на территории Дагестана. 21 декабря 1917 г. временное правительство на Северном Кавказе провозгласило независимость. Однако к 1921 г. Советское правительство, после победы Красной Армии в Гражданской войне, вновь объединило территории Кавказа в составе уже РСФСР. После образования Союза ССР Кавказский регион подвергся новому административному делению по принципу наиболее распространенной народности, которая проживала на отдельной земле. Новый территориальный расклад вселил раздор и еще больше усилил противоречия между соседями. Согласно Конституции СССР 1936 г., автономные республики, в отличие от союзных республик, были субъектами не суверенными, а национальными, что напрямую влияло на ограничение их в культурных и ряде других прав. Среднее и высшее образование в национальных республиках можно было получить лишь на

русском языке. В 1934 г. территории Чечни и Ингушетии были объединены в составе Чечено-Ингушской АО, а к 1936 г. субъект получил наименование автономной республики [Хасбулатов, 2002, 143].

В период Великой Отечественной войны, в 1944 г., произошла депортация чеченского населения в регионы Сибири и Казахстана. Правительство объяснило это фактом пособничества нацистам со стороны чеченцев. Вследствие этого в период с 23 февраля по 9 марта население в полном объеме покинуло регион, а Чечено-Ингушская республика была упразднена. Давлению со стороны партии подверглись народы и народности и в других регионах: крымские татары, карачаевцы, калмыки и др.

Рассматривая ситуацию и проводя анализ чеченского конфликта, стоит отметить, что конкретное проявление сепаратизма в Чечне является примером национализма, протекающего внутри государства. Некоторые теоретики пытаются объяснить чеченский конфликт с точки зрения вопроса безопасности: кризис власти в государстве, связанный прежде всего с распадом СССР, политическая и экономическая нестабильность, порождающая и сеющая скепсис среди населения страны [Рунов, 2016, 132]. В подобном состоянии находились все бывшие республики Советского Союза, во многих из которых также вспыхнули вооруженные конфликты.

Не лишено смысла и мнение, согласно которому развернувшаяся ситуация в Чечне объясняется как пример этнополитического конфликта, в процессе которого этническая группа организуется вокруг разделяемой общей идентичности и пытается добиться неких благ для ее членов. Данная теория дает право разделить подобные этногруппы на народы-нации, которые пытаются добиться независимости, и народы-меньшинства, которые борются за равноправие.

Эволюция представлений о суверенитете в Чеченской Республике

В ходе протекания конфликта взгляды чеченского народа трансформировались. Тем не менее на момент развязки войны представители чеченской нации активно требовали обретения суверенитета. В этом аспекте стоит отметить статистические данные демографии. Коэффициент рождаемости в регионе всегда был достаточно высок. Кроме того, в 1957 г., после возвращения свыше 340 тыс. чеченцев на родину, общая численность населения республики пропорционально в разы превышала поток финансирования средств в регион из центра, что вызвало рост безработицы в ЧИАССР. Не последовало и никакой выплаты со стороны власти за депортацию народов, поскольку партия никогда не признавала факта геноцида, что в немалой мере также повлияло на экономическую и социальную ситуацию в Чечне [Черноус, 2002, 122].

Этот и еще ряд подобных примеров объясняют стремление чеченского народа к обретению независимости от России. Именно такая возможность появилась у чеченцев в начале 1990-х гг. вместе с крахом СССР. Беря на усмотрение примеры выхода из состава Союза все новых и новых республик, Чечня также не осталась в стороне. Чеченцы надеялись на политическую и экономическую слабость только что образованной суверенной России и решили приложить усилия к созданию собственного независимого государства. Именно о подобных явлениях говорит в своем труде теоретик Д. Лейтин, подчеркивая, что слабость государства может послужить причиной развязывания гражданской войны внутри страны. Также в этом случае учитывалась и важность природных условий в развязке войны. Если проектировать эти слова на конкретный рассматриваемый случай, то стоит сказать, что специфический природный ландшафт с обилием возвышенностей сыграл одну из ключевых ролей в чеченском конфликте, ведь местное население имело возможность сооружать надежные укрытия в горах и было

хорошо приспособлено к подобным природным условиям, в том числе климатическим.

Сепаратистские и националистические настроения усилились в регионе под эгидой возглавившего чеченскую кампанию бывшего генерала ВВС СССР Д. Дудаева. В период с 1991 по 1994 г., когда Чечня обрела фактически политическую независимость от РФ, на территории республики началась настоящая анархия. Это произошло вследствие того, что президент Ельцин выразил жесткий протест на желание Чечни обрести суверенитет. К декабрю 1994 г. центр принял решение о вводе федеральных войск на территорию Чечни [Киселев, Щагин, 1998, т. 2, 367].

Несмотря на то, что окончательный вывод российских войск с чеченских военных баз состоялся еще в июле 1992 г., чеченские власти располагали большим количеством российской техники и вооружения, которое было получено путем разграбления военных складов после распада СССР. Этот факт объясняет неплохую подготовленность Чечни к военным действиям [Рукшин, 2009, 564].

Стоит указать на то, что для российской государственности в целом факты сепаратизма в Кавказском регионе представляли особую, стратегическую угрозу. Потеря контроля за республикой могла стать для РФ неизгладимой проблемой; цепная реакция настигла бы и иные беспокойные в 1990-е гг. субъекты государства, среди которых были Татарстан, Бурятия и Якутия, Тыва и др. В то же время политика центра в период военных действий никак не приближала ситуацию к миру, а порой даже усугубляла возможный процесс мирного урегулирования конфликта.

Религиозный фактор в конфликте

Стоит сразу оговориться, что ислам на Северном Кавказе – явление относительно новое. Что касается непосредственно чеченской земли, мусульманство получило широкое развитие здесь лишь на закате XVIII в. Соседний Азербайджан, почти вся Центральная Азия или Татарстан были обращены в ислам гораздо раньше. В связи с этим можно говорить о том, что именно ислам как один из видов вероисповедания не стал важнейшим критерием культурного кода чеченской нации. При этом лингвисты утверждают, что чеченский язык имеет глубокие этимологические корни и является одним из древнейших языков мира. Особенность развития ислама на Северном Кавказе – его исключительное местное своеобразие. Суфийский ислам частично отказывается от законов шариата, практикуя чаще своды адата, т. е. более традиционного понимания права. Положения суфийских братств, которые зиждутся на строгом подчинении ученика наставнику (более известные как мюридизм), легли в основу построения исламского государства [Сюкияйнен, 1986].

Стоит также рассмотреть и вопрос расхождения мнений между исламскими братствами, в частности на территории Чеченской Республики. Так, еще в XIX в. Накшбандийское братство выступало в поддержку реализации идей джихада (священной войны или борьбы за веру). Представители Кадирии же, напротив, отвергали радикальные настроения и склонялись больше к союзническим отношениям с соседней Россией. Тем не менее уже в 1990-х гг. мнения кардинально изменились: Накшбандийское братство всецело не поддерживало политику нового чеченского лидера Д. Дудаева. Сепаратистские идеи нашли больше поддержку со стороны Кадирийского братства, на юге республики [Кольев, 1997, 113].

Конечно же, национальная и религиозная политика новой России встретила на своем пути как старые, так и новообразованные религиозные общины и течения, которые после краха СССР видели возможность широкого развития своих идей. В этот период появление и рост различных

религиозных организаций и мечетей не означали только лишь возвращение к ментальным традициям и поддержку духовного раскрепощения. В этом аспекте можно смело утверждать о качественном изменении культурной идентичности местного населения. В Чечне этот процесс приобрел и политические оттенки. Можно отметить, что в этот период в регионе происходили религиозное исламское возрождение, использование идей ислама властью и оппозицией, а порой не исключался и ваххабизм. Возвращение к исламу стало для чеченцев явлением сугубо политическим. Руководство не покидали ощущение ненадежности, нестабильности текущей ситуации, а также горький опыт прошлых лет.

Анализируя политику Д. Дудаева и А. Масхадова, скажем, что оба национальных лидера изначально не желали консолидировать чеченский народ посредством ислама. Сам же Д. Дудаев был личностью достаточно неоднозначной. Проходя службу в советской авиации и большую часть жизни прожив в Казахстане, Дудаев неважно изъяснялся по-чеченски и не соблюдал исламских обрядов. Отметим, что Конституция республики, принятая при Дудаеве, провозглашала Чечню светским государством [Комиссия..., 1995, 146]. Но суть была в том, что в то время в Чечне не оказалось никакой иной идеологической платформы, за исключением религиозной. Хотя и Дудаев заявлял в СМИ, что вовсе не против построения свободного светского государства, все же обстоятельства заставляли лидеров действовать иначе. Сепаратистские группировки вели свою деятельность согласно радикальным идеям ислама.

Дудаев не стал рассчитывать на помощь со стороны Запада в развертывании военной кампании в Чечне. Западный либерализм оказался чуждым чеченскому народу по ряду причин. Чеченский лидер направился в Иран, где призвал местное руководство к газавату против России. На момент начала военных действий, в декабре 1994 г., Чечня официально оставалась светским государством, несмотря на то, что в этот период времени активно старалась наладить отношения с соседними исламскими государствами [Шишов, 2006, 406]. Война явилась катализатором политики исламизации и резко подвинула сторонников ваххабизма к эпицентру разгорающихся событий, обострила и без того раскаленную ситуацию в республике. Называя самых значимых чеченских ваххабитов, нельзя не упомянуть М. Удугова (Конгресс исламской уммы), Ш. Басаева (Конгресс народов Дагестана и Ичкерии) [Осмаев, 2017, 64]. Их общей целью явилась консолидация двух кавказских народов в едином исламском государстве.

Террористический акт с заложниками в городской больнице Буденновска в июне 1995 г. и теракт в Кизляре в мае 1996 г. стали наиболее трагичными случаями в рамках Первой чеченской кампании. Главным требованием в обоих случаях был вывод российских войск с территории Чечни. Значимым атрибутом боевиков являлись зеленые исламские ленты, которые однозначно относили их к представителям радикального ислама [Большая российская энциклопедия, 2014, т. 24, 211].

Постепенный переход различных антироссийских группировок Чечни к все более уголовным и явно не конвенционным действиям изменил международное общественное мнение. Теракты против мирного населения не могут быть оправданием национально-освободительного движения [Трошев, 2001, 117]. Религиозная радикализация также не способствует развитию гуманитарных идей в ходе конфликта. Все это привело к окончательной утрате авторитета в глазах западного сообщества, а последующие действия оппозиционеров (теракты, захват заложников, убийство журналистов) привели лишь к формированию в России мнения о Чечне как о бандитском анклавом, вооруженных представителей которого следует именовать «боевики», и требованиям привлечь виновных лиц к ответственности согласно федеральному законодательству [Агапов, 2020, 30; Майстренко, 2021, 20; Рыжов, 2018, 188].

Заключение

Подводя итог анализа конфликта, можно сделать несколько выводов. Во-первых, идея национально-освободительного движения не соответствует действительности по причине отсутствия национального угнетения и отношений метрополия – колония. Идеи нации, борющейся за независимость, использовались политиками исключительно в рекламных целях.

Во-вторых, вопросы религиозного освобождения и борьбы также были политизированы и не соответствовали фактическому положению дел. В Чечне никто не притеснял население по религиозному признаку, верующим были гарантированы их права, поэтому идеи газавата были привнесены местными вождями с целью получения политического капитала.

В-третьих, действия ряда стран арабского Востока имели характер вмешательства во внутренние дела, поскольку оказание финансовой помощи сепаратистам не способствовало укреплению международного мира и безопасности, а лишь раздувало огонь конфликта. Это может расцениваться как основание для привлечения к ответственности в соответствии с нормами международного права.

Наконец, ни один из квалифицирующих признаков международного конфликта не дает оснований считать конфликт в Чечне таковым. В происходивших событиях имел место внутренний конфликт между слабой центральной властью государства и различными политическими группировками сепаратистского толка.

Библиография

1. Агапов П.В. Терроризм: опыт осмысления научных подходов к изучению проблемы // Образование и право. 2020. № 2. С. 29-31.
2. Большая российская энциклопедия. М., 2014. Т. 24. 766 с.
3. Гусейнов В.А. Эволюция позиции Запада в чеченском кризисе // Независимая газета. 2000. 29 февраля.
4. Киселев А.Ф., Щагин Э.М. (ред.) Новейшая история Отечества. XX век: в 2 т. М.: ВЛАДОС, 1998. Т. 2. 448 с.
5. Кольев А.Н. Чеченский капкан. М., 1997. 208 с.
6. Комиссия Говорухина. М.: Лавента, 1995. 176 с.
7. Левченко Ю.Г. Просто война. Первая чеченская // Войны, история, факты. 2003. № 1. URL: <https://web.archive.org/web/20030622184306/http://www.almanacwhf.ru/?no=3&art=12>
8. Майстренко Г.А. Противодействие политическому экстремизму: современные тенденции // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10. № 1А. С. 16-23.
9. Осмаев А.А. Волкодлаки (тайна гибели Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики). М., 2017. 124 с.
10. Рукшин А.С. (ред.) Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. М.: Военное издательство, 2009. 764 с.
11. Рунов В.А. Испытание Чеченской войной. М.: Вече, 2016. 358 с.
12. Рыжов В.Б. Международная преступность: понятие, доктринальное и правовое обоснование методов противодействия ей на современном этапе // Образование и право. 2018. № 4. С. 183-192.
13. Рыжов В.Б. Участие Интерпола в борьбе с терроризмом // Международное право. 2020. № 2. С. 56-69.
14. Смирнов М.Г. Международное гуманитарное право и внутренние конфликты. М.: Триумф, 2015. Ч. 2. 124 с.
15. Смирнов М.Г. Проблемы применения норм международного права во внутренних вооруженных конфликтах // Инновации и инвестиции. 2015. № 5. С. 221-225.
16. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики. М.: Наука, 1986. 254 с.
17. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2003. 552 с.
18. Трошев Г.Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М.: Вагриус, 2001. 211 с.
19. Хасбулатов Р.И. Взорванная жизнь. Кремль и российско-чеченская война. М.: Грааль, 2002. 528 с.
20. Черноус В.В. Ксенофобия на Юге России – сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. Ростов-на-Дону, 2002. 220 с.
21. Шишов А.В. Военные конфликты XX века. От Южной Африки до Чечни. М.: Вече, 2006. 576 с.

Some issues of international legal assessment of non-international armed conflicts: a case study of the conflict in the Chechen Republic (1994-1996)

Ekaterina A. Kantariya

PhD in Law,
Associate Professor at the Department of civil legal disciplines,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36 Stremyanny Ln, Moscow, Russian Federation;
e-mail: ekantaria@yandex.ru

Abstract

The article aims to carry out an analysis of the international legal status of internal armed conflicts in the context of the armed confrontation in the Chechen Republic in 1994-1996. The author of the article makes an attempt to examine the problem of international intervention in such conflicts, and also analyzes the various points of view of that time on the status of the conflict. Until now, in Western (mainly English-speaking) literature, one can find the terms *rebels* and *guerillas*, which are used in relation to the opponents of the central government of the Russian Federation, which seems to be an incorrect concept from the point of view of international law in relation to separatists, and in some cases, as shown in the article, and terrorists. The issues of attributing the Chechen War to the national liberation wars, as well as its anti-colonial status, are also discussed in detail. Having dealt with international legal assessment of the conflict in the Chechen Republic in 1994-1996, the author comes to the conclusion that none of the qualifying signs of an international conflict gives grounds to consider the conflict in Chechnya as such. In the events that took place, there was an internal conflict between the weak central government of the state and various separatist groups.

For citation

Kantariya E.A. (2021) Nekotorye voprosy mezhdunarodno-pravovoi kvalifikatsii vooruzhennykh konfliktov nemezhdunarodnogo kharaktera: na primere konflikta v Chechenskoj Respublike (1994-1996 gg.) [Some issues of international legal assessment of non-international armed conflicts: a case study of the conflict in the Chechen Republic (1994-1996)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (9A), pp. 177-184. DOI: 10.34670/AR.2021.32.70.021

Keywords

International humanitarian law, Geneva Conventions, Hague Conventions, criminal law, Chechen Republic, combatants, terrorism, separatism, extremism.

References

1. Agapov P.V. (2020) Terrorizm: opyt osmysleniya nauchnykh podkhodov k izucheniyu problemy [Terrorism: the experience of understanding scientific approaches to the study of the problem]. *Obrazovanie i pravo* [Education and law], 2, pp. 29-31.
2. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [Great Russian encyclopedia] (2014), Vol. 24. Moscow.
3. Chernous V.V. (2002) *Ksenofobiya na Yuge Rossii – separatizm, konflikty i puti ikh preodoleniya* [Xenophobia in the

- South of Russia – separatism, conflicts and ways to overcome them]. Rostov-on-Don.
4. Guseinov V.A. (2000) Evolyutsiya pozitsii Zapada v chechenskom krizise [The evolution of the West's position in the Chechen crisis]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent newspaper], 29th Feb.
 5. Khasbulatov R.I. (2002) *Vzorvannaya zhizn'. Kreml' i rossiisko-chechenskaya voina* [Blown up life. The Kremlin and the Russian-Chechen War]. Moscow: Graal' Publ.
 6. Kiselev A.F., Shchagin E.M. (eds.) (1998) *Noveishaya istoriya Otechestva. XX vek: v 2 t.* [The contemporary history of the Fatherland. The 20th century: in 2 vols.], Vol. 2. Moscow: VLADOS Publ.
 7. Kol'ev A.N. (1997) *Chechenskii kapkan* [The Chechen trap]. Moscow.
 8. *Komissiya Govorukhina* [Govorukhin's Commission] (1995). Moscow: Laventa Publ.
 9. Levchenko Yu.G. (2003) Prosto voina. Pervaya chechenskaya [Just a war. The First Chechen one]. *Voiny, istoriya, fakty* [Wars, history, facts], 1. Available at: <https://web.archive.org/web/20030622184306/http://www.almanacwhf.ru/?no=3&art=12> [Accessed 24/08/21].
 10. Maistrenko G.A. (2021) Protivodeistvie politicheskomu ekstremizmu: sovremennye tendentsii [Countering political extremism: current trends]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 10 (1A), pp. 16-23.
 11. Osmaev A.A. (2017) *Volkodlaki (taina gibeli Verkhovnogo Soveta Checheno-Ingushskoi Respubliki)* [Werewolves (the secret of the death of the Supreme Soviet of the Chechen-Ingush Republic)]. Moscow.
 12. Rukshin A.S. (ed.) (2009) *Voennoe iskusstvo v lokal'nykh voynakh i vooruzhennykh konfliktakh* [Military art in local wars and armed conflicts]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo Publ.
 13. Runov V.A. (2016) *Ispytanie Chechenskoi voinoi* [The test by the Chechen War]. Moscow: Veche Publ.
 14. Ryzhov V.B. (2018) Mezhdunarodnaya prestupnost': ponyatie, doktrinal'noe i pravovoe obosnovanie metodov protivodeistviya ei na sovremennom etape [International crime: the concept, doctrinal and legal justification of methods used for countering it at the present stage]. *Obrazovanie i pravo* [Education and law], 4, pp. 183-192.
 15. Ryzhov V.B. (2020) Uchastie Interpola v bor'be s terrorizmom [Interpol's participation in the fight against terrorism]. *Mezhdunarodnoe pravo* [International law], 2, pp. 56-69.
 16. Shishov A.V. (2006) *Voennye konflikty XX veka. Ot Yuzhnoi Afriki do Chechni* [Military conflicts in the 20th century. From South Africa to Chechnya]. Moscow: Veche Publ.
 17. Smirnov M.G. (2015) *Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo i vnutrennie konflikty* [International humanitarian law and internal conflicts], Part 2. Moscow: Triumf Publ.
 18. Smirnov M.G. (2015) Problemy primeneniya norm mezhdunarodnogo prava vo vnutrennikh vooruzhennykh konfliktakh [The problems of applying the norms of international law in internal armed conflicts]. *Innovatsii i investitsii* [Innovations and investments], 5, pp. 221-225.
 19. Syukiyainen L.R. (1986) *Musul'manskoe pravo: voprosy teorii i praktiki* [Muslim law: the issues of theory and practice]. Moscow: Nauka Publ.
 20. Tishkov V.A. (2003) *Obshchestvo v vooruzhennom konflikte. Etnografiya chechenskoi voiny* [Society in armed conflicts. The ethnography of the Chechen War]. Moscow: Nauka Publ.
 21. Troshev G.N. (2001) *Moya voina. Chechenskii dnevnik okopnogo generala* [My war. The Chechen diary of a trench general]. Moscow: Vagrius Publ.